

Леонид Андреев. В сей грозный час

Леонид Андреев всегда был чувствительнейшим сейсмометром тектонических сдвигов в социопсихологическом организме России. Этот его дар особенно отчетливо являл себя в напряженные периоды российской истории: и во время Русско-японской войны, и в годину Первой русской революции, и в тягостный период послереволюционной реакции. Но в своих лучших произведениях социально-политическую конкретику, прототипическую подоплеку сюжетов и образов он умел воссоединять с метафизическими смыслами: так появились «Красный смех» (где любая война объявлялась сумасшествием) и «Рассказ о семи повешенных» (где безумием объявлялась любая казнь).

Художник такого типа, разумеется, не мог не отозваться на событие, перевернувшее самый уклад русской жизни, — начало Первой мировой войны. Удивительно, что в Андрееве опять, более чем через десять лет после окончания работы фельетонистом в газете «Курьер», проснулся публицист; газетчик вдруг заслонил художника. Собственно о войне написаны одна пьеса — «Король, закон и свобода» и одна повесть — «Иго войны», не вызвавшие у современников реакции, хотя бы частично подобной былым спорам, скандалам, восторгам и проклятиям, которые обычно сопровождали его творения. Статей же за военное время (зафиксированные публикации в российской печати со 2 сентября 1914 г. по 10 октября 1917 г.) было написано более девяноста... Возможно, стремительный накал невиданных событий оказался выше порога чувствительности леонид-андреевского художнического «сейсмографа», а Андреев-человек не мог не откликаться на гул времени, который потрясал его, всегда мечтавшего о возрождении на сцене трагедии, своим воистину эпическим трагизмом, апокалиптической героикой. По воспоминаниям В. Беклемишевой, Андреев рассказывал ей о страшном психологическом напряжении, о «темном хаосе и тоске», преследовавших его в летние месяцы 1914 г.; начало войны вызвало резкую перемену в его душевном настрое: «Если бы меня спросили, что со мной, я бы сказал: это воскрешение из мертвых. Это не только мое личное воскрешение из мертвых, это прежде всего воскрешение из мертвых России»¹.

Статья и одноименный сборник «В сей грозный час» начинается словами: «Мы приняли войну как необходимость, — и мы приняли ее без колебаний». В сентябре 1914 г. в письме Ивану Шмелеву писатель так разрешает противоречие между «двумя Андреевыми» — бывлым пацифистом и нынешним «оборонцем» (одновременно раскрывая сомневавшемуся коллеге свой взгляд на задачи журнала «Отечество», первый номер которого выйдет под его редакцией 2 ноября 1914 г.): «Стало быть, дело в программе и в вашем отношении к ней. А программа такая: *до времени* оставив в стороне наши внутренние дела и борьбу с правительством, — сейчас всеми силами содействовать успеху на войне, содействовать осоз-

¹ Реквием: Сб. памяти Леонида Андреева. М., 1930. С. 268.

нению происходящего и уяснить его истинный смысл. Для меня смысл настоящей войны необыкновенно велик и значителен свыше всякой меры. Это борьба демократии всего мира с цезаризмом и деспотией, представителем каковой является Германия. Если бы у нас наверху были умнее, они дрались бы с Вильгельмом против Франции и Англии; и наша реакционная пресса, обычно настроенная шовинистически и по всякому поводу готовая к войне, — и в этом разе уже начинает бить отбой, намекать о мире и прославлять Вильгельма. Они живо- том чувствуют, что разгром Германии будет разгромом всей европейской реакции и началом целого цикла европейских революций. Отсюда и то необыкновенное и многих смущающее явление, что антимиитаристы и пацифисты, Эрве и Кропоткин, стоят за войну до самого конца. Отсюда и я, автор “Красного смеха” (как-никак!), также стою за войну.

Конечно, ни для кого не тайна, что правительство под шумок уже загибает салазки, арестует и сажает — готовится на всякий случай. И цензура жестоко режет, и вообще писать нелегко, — но мы, русские писатели, уже научились, слава богу, проскальзывать между пальцами; постараемся и теперь. Повторяю: прямо говорить о внутренних делах сейчас нет и надобности.

Есть у нас, писателей, и особой важности задача: противопоставить русскую культуру германской и доказать, что мы не варвары, хотя и нет у нас внешней материальной культуры и богатства. Надо всеми средствами показать, что русский дух есть вечное устремление к последней свободе, вплоть до анархии; немецкий же стремится к вечному порабощению, к созданию на земле образцовой тюрьмы и военных поселений.

Конечно, это все только мое мнение; но не думаю, чтобы в оценке русского, которое вы так любите, мы особенно разошлись. И уж, конечно, не стоит искать здесь “национализма”, который также привезен к нам из Германии, как и военные поселения, враждебен свободно- му духу нашему. Свобода для всех, а тюремщиков к черту!»¹.

Понятно, что подобная стратегия не могла воплотиться в жизнь в полной мере, но выше- сказанное весьма желательно учитывать при чтении андреевских статей. Так, уже в первой статье сборника говорится, что «не за Россию эмпирическую и сущую, а за Россию мыслимую, желаемую и возможную поднял оружие русский народ». В статье «Крестonosцы» возникают несколько аморфные, но полные намеков образы: «света, *который должен воссиять*» и «пра- ведного града», которых алчут достичь новые «крестonosцы». А в последней статье сборника, под многозначительным заголовком «Освобождение», Андреев говорит о борьбе с «германиз- мом» уже внутри самой «плоти» России: «Как наши аракчеевские военные поселения вовсе не были изобретением русского ума, а пришли к нам из Германии и явились как бы прообра- зом и предчувствием того, во что должна будет превратиться сама Германия, — так и многие другие отвратительные стороны нашей жизни представляются мне заимствованными из того же мутного источника. Всякие наши “анти” и “фобии”, [страстное обожание дисциплины,] от которого порою не могут уйти даже свободнейшие, постоянные попытки начала живой жизни подменить началами механическими, разрушение сложной личности и сведение ее к узкой аб- стракции, [пышный расцвет полицейских начал —] все это в значительной степени данайские дары “германского гения”, принятого вовнутрь целиком». Знаменательны здесь цензурные вы- черки, в нашем издании обрамленные квадратными скобками... Вообще же, когда Андреев описывает в целом и в частностях совершенство идеальной военной машины Вильгельма II как *безумие*, например специальные «поезда мертвецов» и германские крематории, в которых

¹ Лит. наследство. М., 1965. Т. 72. С. 546–547.

сжигают сразу по три трупа, и прогнозирует появление более совершенных «машин для погребения», констатируя: «Да, это страшно, как всякая извращенность, когда человеческий ум стремится к самоуничтожению», — он в каком-то смысле остается прежним автором «Красного смеха», для которого война — «безумие и ужас».

Андреев-публицист требовал, чтобы все «вовлеклись» в войну, если не с оружием в руках, то эмоционально, нравственно и интеллектуально (как сказали бы позже — экзистенциально). Нельзя было оставаться лишь «свидетелем» — именно это слово задевает его в открытом письме «От писателей, художников и артистов» и заставляет выступить с горячей отповедью (см. ст. «Освобождение»). Припоминается андреевская сказка «Земля» (1913), где Всеблагий проклинает ангела, вернувшегося к нему с грешной земли в белых одеждах, и сочувствует ангелам, решившим остаться среди страждущих на земле, не побоявшихся «испачкаться». По Андрееву, нельзя остаться в стороне, нужно «испачкаться», «заразиться войной». Собственно экзистенциальное «вовлечение в войну» отстраненного «маленького человека», изначально равнодушного обывателя, стало темой главного «военного» произведения Андреева — повести «Иго войны» (1916). А годом ранее он выступает с вызвавшей большой резонанс статьей «Пусть не молчат поэты». Связь между глухотой и слепотой предвоенных лет, откровениями «сега грозного часа» и прозрениями о часе будущем в андреевском призыве к «поэтам» выразилась особенно явственно: «Услышать войну — это ведь услышать голос самого синайского Бога, услышать и содрогнуться, содрогнуться — и погубить ту милую, старую, привычную душу свою, с которой так великолепно мы доплясались до войны. Услышать войну — это значит переоценить всю свою жизнь, все ее радости, страдания и надежды; не только все прошлое поставить насмарку и вбить осиновый кол в могилу вчерашнего дня, но нынешний день изменить до неузнаваемости»¹.

«Новый» Андреев — публицист, организатор и участник всяких комитетов и акций мог кого-то раздражать (см., например, статьи Зинаиды Гиппиус в наст. изд.), но многие (как, например, весьма близко с ним сошедший именно в это время Ф. Сологуб) с ним солидаризовались в этом погружении в «сиюминутность», в злобу дня, в далекое от метафизических высот, но исполненное высоким пафосом вчерашнее событие: оккупацию Бельгии и Сербии, предательство Болгарии, «сухой закон» в России...

Тяжелая судьба оккупированной Бельгии глубоко тронула Андреева; он посвятил ей не только публицистические выступления, вошедшие в сборник, но и пьесу «Король, закон и свобода» (1914) и рассказ «Ночной разговор» (1915, опубликован в 1921)². На премьере пьесы в Московском драматическом театре присутствовал бельгийский консул, а часть сборов была пожертвована на нужды бельгийского народа. Одновременно Андреев говорит о большом «отчем доме» славянского братства, где призывают к сочувствию прежде всего многострадальные Польша и Сербия. Часть прибыли от книги «В сей грозный час» должна была пойти на нужды сербских воинов, за свои призывы помочь израненной Сербии писатель получил благодарность от сербского парламента и Биталийского (Монастырского) общества писателей³. Зато Болгария, вступающая в союз с Германией, стала в глазах Андреева братоубийцей и Иудой. Обвинения, выраженные в его статье «Изгнание из храма», вызвали в Софии него-

¹ Бирж. вед. 1915. № 15155 (18 окт.).

² Подробнее см.: Новикова Е.В. Идеологема и образ в рассказе Л. Андреева «Ночной разговор» // Творчество Леонида Андреева: Современный взгляд. Орел, 2006. С. 85–90.

³ Сербия и Леонид Андреев // Бирж. вед. 1914. № 14540 (7 дек.). Утр. вып. С. 3.

дование. Болгарские писатели собирались протестовать против выпадов Андреева¹, а между болгарскими македонцами и Андреевым возникла открытая полемика².

Его брат Андрей был призван и отправлен на фронт, и за него писатель, разумеется, переживал, но и новобранцы, бодро марширующие под окном петроградской клиники, где Андреев провел несколько осенних месяцев, также оказываются его «родными братьями», «детьми родной и любимой матери — России». В их облике видит он «красоту жертвенности русского народа». Естественно, что у никогда не бывшего на фронте писателя образ русской армии был во многом идеализирован. Показательна его реакция на рассказы В. Вересаева о зверствах русских казаков в Восточной Пруссии — Андреев просто отказался его слушать. Для него это была «клевета, распространяемая ненавидящими Россию пораженцами»³.

На фоне этих настроений первых месяцев войны понятной становится глубина разочарования, настигшего Андреева осенью 1915 г., когда он больше не мог закрывать глаза на разрушительное действие войны и признаки деградации общества⁴. В повести «Иго войны», опубликованной в мае 1916 г., главный герой (разумеется, не отождествляемый с автором) так говорит о дважды проклятой Андреевым (в статьях «Торгующим во храме» и «Изгнанные из храма») Болгарии, вступившей в 1915 г. в войну на стороне Германии: «А тут сегодня новое печальное известие: напали болгары на сербов у какого-то Княжевца... и значит, не понимали мы этого: зарежет-таки брат брата? Вся душа содрогается, когда подумаешь, что и этот народ погибнет, что и этот дуг скудный выкосят косари; каково им ждать теперь и прислушиваться: идут, идут! <...> Да что говорить: плачу и плачу, всех мне жаль и каждую минуту надрывается сердце над новым несчастьем. И не знаю я, молить мне Бога, чтобы он наказал предателей-болгар, или и здесь склониться перед непонятной мне тайной человеческой души? <...> Кого прокляну, кого осужу, когда все мы таковы, несчастные!»⁵.

Но подобные настроения (повторяем, вложенные в уста героя повести, но фактически не отраженные в публицистике ее автора) возникнут позже. «В сей грозный час» передает атмосферу именно первых месяцев войны, декорированных успехами на фронтах и всеобщей духоподъемностью. Сборник появился в мае 1915 г.⁶ Первая из вошедших в него статей — «Прости!» — опубликована в сентябре 1914 г., а последняя — «Бельгия» — в марте 1915 г. Первоначально статьи были напечатаны в ведущих российских газетах: «Биржевые ведомости», «День» и «Утро России» и в журнале «Отечество».

В сборнике статьи скомпонованы «программно», по проблемно-тематическому принципу. Открывается он (раздел I) статьей, уясняющей нынешний смысл Великой войны (он — в мировой борьбе двух культур, механистической германской и одухотворенной русской), замыкается (раздел VI) статьями «Восхождение» и «Освобождение» — о ростках обновления

¹ Андреев Л. Письма к брату // Залп. 1933. № 1. С. 70.

² Письмо македонцев Леониду Андрееву // Бирж. вед. 1914. № 14502 (18 нояб.). Утр. вып.; Андреев Л. Ответ болгарам-македонцам // Бирж. вед. 1914. № 14506 (20 нояб.). Утр. вып. С. 3

³ Реквием... С. 175.

⁴ Подробнее см.: Hellman В. Леонид Андреев в начале Первой мировой войны: Путь от «Красного смеха» к пьесе «Король, закон и свобода» // Hellman В. Встречи и столкновения: Статьи по русской литературе. Helsinki, 2009. С. 71–89.

⁵ Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. М., 1996. Т. 5. С. 83, 85.

⁶ Андреев Л.Н. В сей грозный час: Статьи / Обл. худ. В. Левитского. Пг.: К-во Н.Н.Михайлова «Прометей»; Тип. «Печатный труд», [1915]. 110 с. На титульном листе: Вся чистая прибыль с книги поступает на нужды русских и сербских воинов. Тираж 2500 экз.

русской жизни, знаках очищающей силы войны (отрезвление народа, «польский вопрос»), становящихся залогом живительных, «освободительных» перспектив для России. Эти основные мотивы по-разному аранжированы в тематических блоках-разделах сборника, которые можно обозначить как: кровное родство «штатского» общества с армией, защитниками-солдатами (II), балканские страждущие братья (сербы) и балканские же коварные братоубийщи-иуды (болгары) (III), высокий подвиг испепеленной, но духовно не поверженной Бельгии (IV), осмысление антигерманской коалиции как движения новых крестоносцев, вступивших в поход против новых варваров (V).

Отзывов было немного, основная полемика, как это будет видно из последующего комментария, велась с газетными первопубликациями. Анастасия Чеботаревская приветствовала сборник, отметив, что отражение актуальной злободневности преломлено в нем высоким пафосом большой души и чисто русского характера автора: «Едва ли эта книжка не является первым значительным памятником минувшего и вряд ли повторимого в своей грозности и величавости исторического “часа”, первого полугодия небывалой и неслыханной мировой войны...»¹. Критик газеты «Уфимский край», например, обратил внимание на двойственное отношение Андреева к германской культуре, при котором возмущение ее современной, «прусской» по сути, милитаризованной и обездушенной ипостасью совмещается с предостережением от чрезмерной ненависти ко всему немецкому, истинные корни которого определяются высокими образцами науки и искусства прошлого².

На страницах сборника нашло явственное отражение стремительное ужесточение цензуры в 1915 г. То, что можно было писать в газетах полгода и даже два месяца назад, в книге оказалось вымаранным. Восстановленные составителями по первоначальным газетным публикациям цензурные вычерки даны в квадратных скобках. Не восстановленные — существовавшие уже в газетах — отмечены многоточием в тех же квадратных скобках.

¹ День. 1915. № 151 (4 июля). С. 3.

² Уфимский край. 1915. 20 мая.